

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНЕЦ И НАЧАЛО

1

АРНИ РИЧАРДСОН

Черный лабрадор стареет. Его лапы поражены артритом, и он с трудом передвигается по проторенной тропе, осторожно переступая через корни и пронося свое крепкое тело между стволами елей и тополей. Он, опустив поседевшую морду к земле, вынюхивает следы своего хозяина.

Это утренний ритуал, следуя которому, они идут через лес от коттеджей Сильвер Айлет к заливу Миддлбран, — ритуал, совершаемый с тех пор, когда лабрадор еще был неуклюжим щенком. Но даже тогда, столько лет назад, волосы человека были уже седыми, в уголках глаз собрались морщинки, а борода посеребрилась. Теперь они оба, человек и собака, стали медлительными и осторожно шагают, морщась от боли в задеревенелых суставах. Каждое утро они отправляются в путь с первыми золотистыми лучами солнца, приветствуют друг друга, удовлетворенные сознанием того, что у них есть еще один день, чтобы сделать это.

Мужчина уверенно опирается на трость, вырезанную из узловатой ветки сосны, сначала отполированной волнами

озера Верхнего, а потом покрытой лаком в его мастерской. Она ему не нужна, пока не начинается длинный подъем, и тогда он сжимает рукоять, и трость становится как бы его частью, необходимой и неотъемлемой. Он останавливается на самом верху хребта. Здесь тропинка, по которой они идут, сливается с гораздо более широкой тропой, используемой как часть туристического маршрута, проложенного по национальному парку Спящий Великан. В это время в парке тихо.

Этот полуостров, вдающийся в озеро Верхнее, — мистическое место; будто вырубленные скалистые утесы и старые хребты, загадочно обточенные ветром, дождем и временем, приняли форму, напоминающую гиганта, который дремлет в колыбели ледяной серой воды. В легендах говорится о На-набичу, боге индейского племени оджибве, который прилег на подходе к Тандер-Бей. Его величественная фигура превратилась в камень, навечно защитив богатые залежи серебра. История может быть мифом, но серебро здесь действительно есть. Добыча этого богатства привела к тому, что глубокие шахты ушли в землю намного ниже поверхности озера Верхнее, и горняки следовали по рудным венам под постоянной угрозой наступления воды. Рудник положил начало городку, вернее деревушке, — скопление деревянных домов, кузница, магазин. Все это стало заброшенным, когда озеро выиграло битву и похоронило серебро в ледяной могиле. Через несколько лет в этих местах появились дачники, отскоблили полы и столы, вымыли окна, прибили отвалившиеся доски, и Сильвер Айлет стал возвращаться к жизни, хотя бы на сезон каждый год. Семья мужчины уже много поколений проводила лето в одном из здешних домиков, приезжая в зимние месяцы на несколько дней или даже недель, если позволяла погода. Он с детства ходил по этой тропе.

Человек и собака начинают свой спуск к берегу, собачий хвост рисует в воздухе полукруги, трость человека то глухо ударяется о сырую землю, то постукивает по поверхности

скалы, пока тропа, извиваясь, спускается к заливу. Озеро Верхнее начинает шевелиться, стряхивая с себя туман, окутавший его за ночь. Туманные горны маяков¹ Трубриджа и Порфири, сейчас затихшие, в предрассветные часы зывали к невидимым судам, осторожно прокладывая своим путь через Тандер-Бей, мимо мыса у подножия Спящего Великана к острову Ройал и к судоходным путям озера Верхнее. Восходящее солнце и просыпающиеся ветра отгоняют оставшуюся дымку, и пара идет под пение птиц, а не под зловещие предупреждения горнов.

Предупредительный сигнал был бы более подходящим аккомпанементом.

Пес ускоряется, почувствовав близость озера. Его кости старые, и зрение угасло, но он лабрадор, и вода зовет его. Он, оставив мужчину позади, вприпрыжку бежит к пляжу залива Миддлбран и выхватывает палку из кучи обломков, которые во время недавнего шторма волнами вынесло на берег далеко от линии воды. Он трусит вдоль кромки, следы, которые его лапы оставляют на песке, стираются озером так же быстро, как и появляются.

Мужчина идет сзади, достаточно далеко для того, чтобы собака заметила ее прежде, чем на песке отпечатается первый след хозяина. Зрение лабратора затуманено, но он ощущает ее присутствие и различает очертания, когда она появляется среди камней, деревьев и волн. Он стоит в воде и лает, выронив забытую палку.

Она около двадцати шести футов² в длину, деревянный корпус раскололся, и на левом борту видна брешь; брус с кольцевыми кранцами качается, когда волны озера вздымаются и опадают под ним. Каждый вздох воды поднимает лодку с каменистого дна и снова с содержанием ее опускает.

¹ Туманный горн — устройство на маяках для подачи звуковых сигналов при плохой видимости.

² Около 8 метров.

Остатки изорванного основного паруса хлопают на ветру. Она кренится, днище проломлено, и воды озера движутся сквозь нее. Мужчине не нужно видеть имя на корме, он знает, что на ней написано от руки «Танцовщица на ветру».

Его ноги грузнут в песке, когда он торопливо идет к лодке; его следы перемежаются с круглыми отпечатками трости, так что цепочка на песке выглядит как сообщение, передаваемое с помощью азбуки Морзе. Бухта мелкая, в дальнем конце ее окаймляют скалы, именно там и лежит суденышко. Он, не обращая особого внимания на рычание лабрадора, пытается окликнуть тех, кто еще может быть на борту. Он, спотыкаясь, идет к ней, и брызги ледяной воды летят во все стороны. Онемение поднимается по его ногам, сжимая его, хватая, но он это игнорирует и продолжает пробираться между камнями, обходя опасное пространство между лодкой и берегом, потом забирается в рубку и стоит там, подрагивая.

Он никогда до этого не был на борту «Танцовщицы на ветру», и все же поток воспоминаний грозит утопить его, но постепенно стихает, когда он осматривает лодку от сломанного руля до щелкающего фала. Он помнит, как они вдвоем строили форт из прибитых к берегу коряг, когда были мальчишками, чувствует рывок своей удочки, как в тот раз, когда они взяли маленькую лодку «Душистый горошек» с гафельным парусом¹, чтобы впервые в одиночку порыбачить в заливе Уолкер, чувствует вкус украденного из корзины для пикника пива, которым они поделились, когда приплыли к черному вулканическому пляжу на противоположной стороне острова Порфири. Он слышит произносимые шепотом имена: Элизабет и Эмили.

— Черт возьми, Чарли! — говорит он, глядя на мачту и разорванный парус, а потом на силуэты двух чаек, парящих высоко в небе. — Какого черта ты сейчас сделал?

¹ Гафельный парус — вид косого паруса, парус в форме неправильной трапеции.

После их последнего разговора прошло шестьдесят лет, шестьдесят лет с тех пор, как остров Порфири исчез в огне. Он много раз видел «Танцующую на ветру», слышал истории о ее капитане, об Элизабет. Эмили. Но они не разговаривали, он и Чарли. Сделав это, они бы выказали свою причастность, хоть и с благими намерениями, и усилили бы боль сожаления. Она преследовала его. За все это время не было и дня, чтобы он не думал о них. Ни одного дня.

Старик держится за упорную планку, чтобы сохранить равновесие, и смотрит вниз. Подушка кресла и бейсболка плавают в воде. На штурманском столе лежит стопка книг, неплотно завернутых в выцветшую парусину, рядом — моток шпагата.

Он садится на сиденье рулевого. Лабрадор затих. Его мысли прерывает только щебет птиц, негромкая болтовня ветра с озером и скрипучие жалобы лодки. Чарли Ливингстона нет на борту.

«Танцующая на ветру» лишена жизни, за исключением мерцающего сияния керосинового фонаря, который горит слабо, но непокорно, привязанный к грузовой стреле, как маяк.

2

МОРГАН

Какая, черт побери, пустая трата времени! Кучка благодетелей, сидящих и придумывающих глупые правила. *Мы изучаем...* Как они это назвали? «Восстановительные реабилитационные процессы». Они могут сказать, что пытались, что, проявляя сочувствие, протянули руку помощи какой-то обездоленной душе — *смотрите, какие мы умные и прогрессивные!* Спрятанные в своих маленьких мирках со своими идеально вежливыми детьми, которые ходят в школу, они занимаются домашними делами, обращаются с петициями,

требуя запретить нездоровую пищу и положить конец голоду в Африке, играют в баскетбольных командах и никогда ничего не употребляют в субботу вечером. И они похлопывают друг друга по спине и говорят — *Смотрите, какие мы хорошие родители, какие хорошие граждане*. Если бы они только знали!

Пускай добавят свой крошечный стежок в шов на моей зияющей ране, наставят меня на путь истинный. Я извинюсь и сделаю вид, что принимаю их сочувствие. На самом деле это не моя вина. Это система подвела меня.

Чертова трата времени.

Они перетряхнули мой рюкзак. Мне следовало сбросить его в канаву перед тем, как зайти в «Макдоналдс». Или, по крайней мере, избавиться от баллончиков с краской. От этого точно не отвертись. *Нет, офицер, я не была рядом с домом престарелых. Нет, сэр, я не имею никакого отношения к этому граффити. Это не мои. Я просто не сла их другу. Кому? Ох, мм... его здесь нет.*

Придурки. Никто за меня не заступился. Никто. Все они сидели, опустив глаза, и пили через трубочки свою диетическую колу с таким же снисходительным выражением лица, какое бывает у их родителей. *Бедняжка. Разве можно ее в этом винить?*

Видимо, можно.

Когда они привезли меня домой, я видела, что Лори злится. Она прочитала мне нотацию из серии «как я разочарована», от чего я закатила глаза. Меня отправили к ней и Биллу чуть больше года назад, и, в то время как они ведут себя так, будто им не все равно, меня это не слишком трогает.

Они не мои родители, и я не заинтересована в том, чтобы притворяться. Я здесь надолго не задержусь. Я просто очередной приемный ребенок в потоке приемных детей, который проходит через их дом.

Автобус останавливается перед утопающим в зелени зданием, высаживает меня напротив дома престарелых и, запыхтев, уезжает. Я остаюсь одна на тихой, обсаженной деревьями улице, где меня пробирает холодный ветер. Кое-где вдоль бордюра кружатся опавшие листья. Я следую за ними по дорожке до входа.

Боже, я ненавижу осень!

* * *

Дверь, конечно, заперта, и я дергаю ее несколько раз, прежде чем замечаю кнопку звонка. Здесь полно богатых стариков, таких, которые могут себе позволить частных медсестер и поваров на полный рабочий день, и к тому же заведение расположено у реки. Будто для них это имеет какое-то значение. Они, наверное, даже не вспомнят, что ели на завтрак. Я нажимаю на кнопку звонка, и в динамике сквозь потрескивание пробивается чей-то голос. Не могу, блин, ни слова разобрать, но догадываюсь, что спрашивают мое имя.

— Это Морган. Морган Флетчер.

После длинной паузы что-то гудит, шелкает замок и дверь открывается.

Я нахожу кабинет администратора и останавливаюсь, чтобы постучать в открытую дверь. За столом женщина средних лет перебирает папки.

— Садись, Морган, — говорит она, даже не удосужившись посмотреть на меня.

Так что я сажусь на край одного из стульев и жду. На табличке, едва виднеющейся среди стопок документов, написано «Энн Кемпбел, медицинская сестра, исполнительный директор». Полагаю, это она будет руководить моей «восстановительной реабилитацией».

— Хорошо. — Мисс Кемпбел вздыхает, беря папку в руки. — Ты Морган Флетчер. — Она снимает очки и кладет их на стол. — Понятно.

Я знаю, что ей понятно. Она видит то, что хочет увидеть. Видит мои прямые волосы, окрашенные в цвет воронова крыла. Видит мои серые глаза, подведенные темным карандашом, узкие джинсы и высокие черные ботинки, а еще ряды серебряных гвоздиков на мочках ушей. Она видит мое бледное лицо, которое я с помощью макияжа сделала еще бледнее, и ярко-красные губы. Она не замечает, что я, пожалуй, немного напугана. Я не позволю ей этого увидеть.

Я вальяжно развалилась на стул, скрестив ноги. Значит, вот как это будет. Отлично.

Мисс Кемпбел открывает папку.

— Так что, Морган, часы общественных работ, да? Тут говорится, что ты согласилась стереть граффити и помочь в работе по техническому обслуживанию под руководством начальника хозяйственной службы. — Она снова смотрит на меня. — Ты будешь приходить сюда по вторникам и четвергам сразу после школы на протяжении следующих четырех недель.

— Ага. — Я постукиваю пальцами по столу и рассматриваю свой маникюр. Ногти накрашены красным лаком, в тон губам. Кроваво-красным.

— Понятно, — говорит она. Снова. Мисс Кемпбел ненадолго замолкает, и я вижу, что она меня изучает. Я знаю, что в той папке. Меня не интересует ее мнение. Более того, мне не нужна ее жалость. Я перевожу взгляд на паучник¹, стоящий на полке в верхней части шкафа. Она снова вздыхает. — Ну, тогда, я полагаю, следует познакомить тебя с Марти. — Она кладет на стол папку, хранящую мое прошлое, и, поскольку у меня нет выбора, я следую за ней по коридору.

Марти старый, но не настолько, как живущие здесь люди. Он напоминает мне безбородого Санта-Клауса, с его круглым животом, обрамленным красными подтяжками. Его белоснежные пушистые брови живут своей жизнью, волоски торчат

¹ Паучник — комнатное растение хлорофитум хохлатый.